

УДК 902/904(470.313)«1/4»
EDN HPLUEO<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ПОГРЕБЕНИЯ С КРЕМАЦИЕЙ ИЗ ШОКШИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Р. Е. Головин^{1,2}¹ Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей
им. И. Д. Воронина, г. Саранск, Россия² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
roman_golovin_96@mail.ru

Аннотация

Введение. Сегодня в археологической науке наряду с исследованием отдельных памятников рязано-окской культуры особое внимание уделяется уточнению датировки отдельных типов украшений и хронологии бытования данной культуры в целом. Важную роль играет и погребальный обряд, в частности трупосожжение. Открытый в 1976 г. Шокшинский могильник продемонстрировал значительный пласт бытования материальной культуры поволжских финнов в V — XI вв.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили научные отчеты раскопок памятника, а также археологический материал погребений Шокшинского могильника. С помощью сравнительно-типологического, статистического методов, а также метода синхронизации и аналогии были рассмотрены и типологизированы 109 погребений на площади Шокшинского могильника с зафиксированным и хорошо прослеженным обрядом трупосожжения.

Результаты исследования и их обсуждение. Результатом многолетнего и разнопланового изучения материалов стало издание «Шокшинский могильник». Выход двухтомника был особенно важным, поскольку в актуальной научной литературе материалы знакового для изучения археологии Поволжья памятника почти не освещались. Данная работа, затрагивающая проблематику погребального обряда кремации по материалам Шокшинского могильника призвана продолжить изучение различных областей материальной и духовной культуры населения, оставившего масштабный памятник археологии. В статье рассмотрены погребения Шокшинского грунтового могильника с точки зрения обряда кремации, в частности особенности погребений с трупосожжением, типология погребального обряда кремации, а также его значение для этого могильника и культуры рязано-окских финнов в целом.

Заключение. Полученные в ходе исследования сведения позволили провести типологию шокшинских погребений с кремацией и сделать предварительные выводы о роли и месте таких погребений. Дальнейшие работы, посвященные различным аспектам изучения Шокшинского могильника, помогут более подробно и целостно представить население Нижнего Примокшанья в V — XI вв.

Ключевые слова: грунтовой могильник, культура рязано-окских могильников, Нижнее Примокшанье, трупосожжение, погребальный обряд, эпоха средневековья, археологические раскопки

© Головин Р. Е., 2023

Для цитирования: Головин Р. Е. Погребения с кремацией из Шокшинского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 4. С. 146 — 160. EDN HPLUEO

Original article

BURIALS AND CREMATION TRACES OF THE SHOKSHINSKY GRAVE FIELD

R. E. Golovin^{1,2}

¹ Mordovian Republican United Museum of Local History,
Saransk, Russia

² Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
roman_golovin_96@mail.ru

Abstract

Introduction. In recent years, in archaeological science, along with the study of individual monuments of the Ryazan-Oka culture, special attention has been paid to clarifying the dating of certain types of jewelry and the chronology of the existence of this culture as a whole. Funeral rites, in particular cremation, play an important role. The Shokshinsky grave field, opened in 1976, demonstrated the presence of a significant layer of material culture of the Volga Finns in the V — XI centuries.

Materials and methods. The research material were the scientific reports of the excavations of the monument, as well as the archaeological material from the burials of the Shokshinsky grave field. On the base of comparative typological, statistical methods, as well as the method of synchronization and analogy, 109 burials with a recorded and well-traced cremation ritual were examined and typologized in the area of the Shokshinsky grave field.

Results and discussion. The result of that diverse and long-term study of the materials was the work “Shokshinsky Grave Field”. The publication of the two-volume study was especially important, since the materials from this landmark monument for the study of the archeology of the Volga region were almost not covered in the current scientific literature. This work, which touches on the problems of the funeral rite of cremation based on the materials of the Shokshinsky grave field, is intended to continue the study of various areas of the material and spiritual culture of the population that left such a large-scale monument of archeology. This article examines the burials of the Shokshinsky grave field from the point of view of the cremation rite, in particular, the features of burials and cremation, the typology of the funeral rite of cremation, as well as the significance of cremation for this grave field and the culture of the Ryazan-Oka Finns in general.

Conclusion. The data obtained in the course of the study allowed us to draw a typology of the Shokshinsky burials and cremation, make preliminary conclusions about the role and place of such burials. Further works devoted to various aspects of the study of the Shokshinsky grave field will help to present in more detail and holistically the population of the Lower Moksha region in the V — XI centuries.

Keywords: subsoil grave field, culture of Ryazan-Oka grave fields, Lower Moksha region, cremation, funeral rite, Middle Ages, archaeological excavations.

For citation: Golovin RE. Burials And Cremation Traces of the Shokshinsky Grave Field. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(4):146—160. EDN HPLUEO

Введение

Шокшинский могильник — один из самых знаковых погребальных памятников, расположенных на территории мордовского края. Он находится в Теньгушевском районе Республики Мордовия, в 1,5 км от с. Куликовка, на высоком мысу надлуговой террасы. Датируется памятник серединой V — началом XI в.¹

Шокшинский могильник, открытый в 1976 г., и сегодня вызывает активный научный интерес [7]. Главный исследователь древностей могильника — В. Н. Шитов — относил данный памятник к третьему этапу развития рязано-окской культуры [23, с. 20]. В современной литературе Шокшинский могильник также отнесен к завершающей стадии бытования общности рязано-окского круга [1].

Однако, несмотря на многолетнее изучение (15 полевых сезонов), а также частичную публикацию исследованных материалов, обращает на себя внимание проблема выводов, связанных с изучением погребений данного археологического памятника. Так, нет однозначного решения по проблематике этнической принадлежности населения, оставившего могильник, до сих пор не классифицированы погребальные обряды. В связи с этим рассмотрим один из важных вопросов изучения Шокшинского могильника — погребения с обрядом кремации — трупосожжения.

Следует отметить важность погребального обряда как одной из основополагающих черт археологической и этнической культуры народов. Наряду с чертами материальной культуры — устойчивыми тенденциями в самобытности костюма, украшений, предметов вооружения, керамического производства — культура, связанная с уходом из жизни, занимает важное место. Погребальный обряд включает в себя совокупность всех материальных аспектов подготовки умершего к захоронению. Более того, рассматривая обряды и мифологию финно-угорских народов Поволжья, можно утверждать, что погребальный обряд имел у них особое, сакральное значение. Особенно значимым является вопрос о возникновении обряда сжигать тела умерших, обряда, на первый взгляд, не характерного и вместе с тем — бытующего несколько тысячелетий, обладающего специфическими чертами.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили описания и вещественный материал 109 погребений Шокшинского могильника, исследованные в ходе раскопок А. В. Циркина и В. Н. Шитова. Данные погребения представляют собой самобытный знаковый образец погребального обряда трупосожжения у финнов Поволжья в V — XI вв. Главными методами исследования стали сравнительно-типологический и статистический, а также синхронизации и аналогий.

Обзор литературы

Первое погребение, совершенное по обряду кремации (погребение 9) было обнаружено экспедицией А. В. Циркина в 1967 г.² За три года экспедиционных раскопок

¹ Археологическая карта России. Республика Мордовия / сост. А. А. Беговаткин. М., 2017. С. 407 — 412.

² МРОКМ им. И. Д. Воронина (Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина). АФ П/О № 106. Циркин А. В. Отчет о раскопках Шокшинского могильника в 1967 г. Л. 22.

ученый отметил 17 погребений с трупосожжениями. И хотя выборка погребений с кремациями была на тот момент сравнительно небольшой, но уже тогда была предпринята попытка трактовать данный погребальный обряд на площади могильника как часть культуры иноземного происхождения, не специфичной для местного населения. Эти сведения приведены в первой работе, посвященной Шокшинскому могильнику и опубликованной А. В. Циркиным в 1972 г. [20].

В 1967 — 1969, 1983 — 1993, 1995 гг. на площади Шокшинского могильника были изучены 1 143 погребения. Лишь 100 одиночных захоронений совершены по обряду кремации (всего 8,75 % от общего числа погребений). Основная часть погребений представлена трупоположениями — 1 017 могил. Имеются также 2 полностью разрушенных и 3 кенотафных (по мнению В. Н. Шитова) погребения. Особый интерес вызывают 19 парных захоронений, а также 1 — тройное. Причем погребения парных могил в 8 случаях представлены разными погребальными обрядами. Информация об одном погребении — отсутствует. История изучения Шокшинского могильника, а также концепции исследователей А. В. Циркина и В. Н. Шитова рассматривались нами отдельно [10].

Несмотря на многолетнюю кропотливую работу В. Н. Шитова по изучению Шокшинского могильника, подавляющее большинство материалов и выводов ученого так и не были опубликованы, вышли в свет лишь отдельные небольшие статьи в «Археологических открытиях» в 1985 — 1987, 1994, 1996 гг. [21; 25; 26; 27; 29]. Конкретному предмету из материалов памятника посвящена статья «Меч с клеймом Ulfberht из Шокшинского могильника», где рассматривается одно из самых богатых и знаковых погребений с кремацией [24].

И только в 2023 г., когда с последних раскопок на Шокшинском могильнике прошло 28 лет, в свет вышло двухтомное научное издание «Шокшинский могильник: материалы раскопок 1983 — 1993, 1995 гг.», которое открывает вводная статья О. В. Зеленцовой [30, с. 5 — 13]. Здесь впервые введены в научный оборот данные изучения 1 143 захоронений с подробным текстовым описанием инвентаря погребений. Издание снабжено богатым иллюстративным материалом, а также предваряющими рассмотрение погребений аналитическими статьями. В нем впервые опубликована статья В. Н. Шитова «Погребальный обряд Шокшинского могильника», написанная исследователем по итогам раскопок 1983 — 1986 гг. [30, с. 463 — 475]. Ученый готовил ее издание, но из-за длительной болезни работа, наиболее полно отражавшая погребальный обряд населения Шокшинского могильника, так и не вышла в свет.

Основным видом источников для нас послужили отчеты и полевые описи раскопок Шокшинского могильника, хранящиеся в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, а также в Архивном фонде МРОКМ им. И. Д. Воронина.

Результаты исследования и их обсуждение

На территории Шокинского могильника имеется 109 погребений, где зафиксирован обряд кремации, в том числе 8 погребений — парные (с различным погребальным обрядом) и 1 — тройное (совершенное по обряду трупосожжения). Как одиночные, так и парные захоронения из Шокшинского могильника отражены в типологии погребений с кремацией.

Одиночные погребения с кремацией на Шокшинском могильнике представлены 38 мужскими, 19 женскими, 8 детскими и 32 неопределенными. Такое большое количество неопределенных погребений связано, во-первых, с самим обрядом кремации, где находка и интерпретация фрагментов костей и костного праха затруднительны. Во-вторых, несмотря на богатство как мужских, так и женских захоронений, наличие погребального инвентаря в могилах с кремацией — не повсеместно. В 15 погребениях никакого погребального инвентаря, кроме кучки кальцинированных костей, не обнаружено. Это погребения 89, 351, 422, 508, 642, 805, 810, 813, 872, 942, 981, 1005, 1027, 1058, 1083.

Размеры могильных ям в захоронениях с кремацией ничем не отличаются от погребений с ингумацией и в целом антропометричны, т. е. соответствуют росту и размерам погребенного. Для погребений с трупосожжениями характерны такие средние размеры могильных ям: для мужских — 240 — 260 см в длину, 65 — 75 см в ширину; для женских — 190 — 210 см в длину, 50 — 60 см в ширину; для детских — 120 — 140 см в длину, 35 — 45 см в ширину. Глубина же могильной ямы, по всей видимости, абсолютно не связана с половозрастными признаками погребенного.

Нами была проведена типология могильных ям с зафиксированным погребальным обрядом кремации. Были выделены три группы — А, Б, С — в зависимости от расположения кальцинированных костей в могильной яме, а также подгруппы, где различные варианты расположения пережженных костей имеют локальные особенности.

Группа А. Погребения, где кальцинированные кости, отделенные от золы и угля расположены кучкой в разных частях могильной ямы. Чаще всего такая группа погребений представлена кучкой кальцинированных костей правильной формы, размером 30 × 35 см, высотой 3,5 — 4,0 см — для женских, и 45 × 55 см, высотой 5,0 — 7,0 см — для мужских погребений. Почти во всех погребениях под кальцинированными костями отмечены остатки луба.

Подгруппа А1 (34 погребения). Кучка кальцинированных костей расположена в центральной части могилы: 92, 168, 187, 197, 216, 218, 274, 281, 301, 326, 432, 578, 603, 645, 668, 719, 760, 765, 805, 825, 854, 858, 872, 894, 937, 941, 942, 980, 988, 1058, 1074, 1077, 1102, 1104.

Особый интерес представляет погребение 1104 — единственное, где содержатся фрагменты и погребальный инвентарь трех разных тел: мужского, женского и детского. Причем все они, по всей видимости, были сожжены одновременно, так как находились в одной кучке кальцинированных костей. Три различных погребения были выделены здесь по наличию мужских, женских и детских (меньшего размера) украшений.

С точки зрения ориентировки могил данная подгруппа довольно сложная: от северо-востока — юго-запада (14 погребений), до юго-востока — северо-запада (14 погребений); в отдельных случаях — север-юг (2 погребения) и другие варианты (4 погребения).

Подгруппа А2 (31 погребение). Кучка кальцинированных костей расположена в восточной — северо-восточной части могилы: 68, 89, 151, 160, 206, 259, 289, 293, 296, 341, 448, 468, 510, 534, 557, 621, 675, 799, 813, 829, 949, 951, 952, 962, 963, 981, 1001, 1005, 1007, 1038, 1083.

Ориентировка всех могил — северо-восток — юго-запад; в отдельных случаях — восток-северо-восток — запад-юго-запад.

Подгруппа А3 (2 погребения). Кучка кальцинированных костей расположена в северо-западной части могилы: 9, 210.

Ориентировка могил: 9 — северо-запад — юго-восток, 210 — противоположная, юго-восток — северо-запад.

Подгруппа А4 (12 погребений). Кучка кальцинированных костей расположена в восточной — юго-восточной части могилы: 200, 328, 351, 422, 508, 562, 681, 810, 914, 1061, 1107, 1113.

Ориентировка всех могил — юго-восток — северо-запад; в отдельных случаях — восток-юго-восток — запад-северо-запад.

Подгруппа А5 (4 погребения). Кучка кальцинированных костей расположена в юго-западной части могилы: 46, 51, 87, 1064.

Ориентировка всех могил — северо-восток — юго-запад.

Подгруппа А6 (3 погребения). Несколько кучек кальцинированных костей расположены в заполнении могильной ямы: 514, 774, 792.

Ориентировка прослеживается лишь у погребения 792 — северо-восток — юго-запад.

Группа Б. Погребения, где кальцинированные кости находятся без определенного порядка.

Подгруппа Б1 (11 погребений). Кальцинированные кости встречаются как на дне, так и в засыпке могильной ямы без определенного порядка: 290, 563, 595, 631, 674, 701, 764, 967, 1003, 1027, 1118.

Ориентировка могил различается от восток-северо-восток — запад-юго-запад (3 погребения) до юго-восток — северо-запад (4 погребения) и другой (1 погребение); у погребений 290, 701, 967 направление могильной ямы не прослеживается.

Подгруппа Б2 (4 погребения). Кальцинированные кости разложены по всему дну могильной ямы: 600, 605, 642, 1067.

Все погребения данной подгруппы имеют разную ориентировку: от север-юг (1 погребение) до юго-восток — северо-запад (2 погребения) и север-северо-запад — юг-юго-восток (1 погребение).

Группа С (8 погребений). Парные погребения со смешанным погребальным обрядом: 377, 538, 539, 548, 670, 715, 956, 1009.

Погребение 377 представлено двумя костяками: женским и неизвестным. Женское совершено по обряду труположения, в то время как неизвестное — по обряду кремации. Кальцинированные кости расположены в западной — юго-западной части могильной ямы.

Погребение 538 представлено двумя костяками: женским и мужским. Женское совершено по обряду труположения, а мужское — по обряду кремации. Кальцинированные кости мужчины расположены поверх женского костяка. Аналогичная ситуация и в погребении 1009. Кальцинированные кости ребенка там расположены слева и поверх мужского костяка, от черепа — до тазовой кости.

В погребениях 539 и 548 также имеются по два костяка. Мужские костяки в обоих погребениях располагаются по обряду труположения, а женский (539) и детский (548) — по обряду трупосожжения. В обоих случаях кальцинированные кости находились между голени (в районе колен) мужского костяка.

В погребении 670 кальцинированные кости женщины расположены справа от костей мужчины. Похожая ситуация в погребении 956. Там справа от детского костяка располагались кальцинированные кости мужчины. На левой части груди мужского костяка в погребении 715 были найдены кальцинированные кости ребенка.

Ориентировка могил данной группы — юго-восток — северо-запад; в отдельных случаях — восток-юго-восток — запад-северо-запад; погребения 377 и 956 имеют ориентировку восток-северо-восток — запад-юго-запад.

Надо обратить внимание, что в погребениях 548 и 715 группы С, как и в погребениях 200, 988, 1113 группы А, присутствуют дарственные комплексы — женские украшения и детали костюма. Обычно они расположены отдельной кучкой в верхней части могилы или у ног погребенного. В погребении 200 кроме дарственных украшений удалось проследить рядом с ними прядь женских волос. Женские дарственные комплексы имеются и во многих погребениях, совершенных по обряду трупоположения. Причем они располагаются исключительно в мужских погребениях, в то время как мужских дарственных комплексов в погребениях женщин не прослеживается. Это весьма распространенное явление для народов поволжско-финского мира того времени, и посмертные женские дары, вероятно, стоит рассматривать как дань памяти жены или близкой родственницы мужчине. Безусловно, такие погребения приобретают особый социальный статус [2, с. 21, 27]. Погребения с женскими жертвенными комплексами известны и на других могильниках рязано-окского круга — Шатрищенском, Никитинском, Гавердовском [6; 11; 13]. На мордовских могильниках в некоторых погребениях также присутствовали подобные дары — Иваньковском и более позднем II Старобадиковском [15, с. 51].

Непосредственная кремация тел умерших проводилась на стороне, а сами кости и костный прах были очищены от продуктов горения, поскольку лишь в единичных погребениях прослежены остатки золы, угля и т. д. Например, в погребениях 151 и 774 в кальцинированных костях встречаются небольшие фрагменты угля, а в погребении 1118 в западной части дна могильной ямы прослеживаются скопления золы и угля. Чаще всего фрагменты угля находятся в заполнении могильной ямы.

В подавляющем большинстве погребений пережженные кости представляют собой аккуратную кучку правильной формы без инородных включений.

В некоторых погребениях встречаются украшения и детали костюма, оплавленные огнем при горении. Так, в погребениях 197 и 290 почти все вещи обожжены. В погребении 595 большая часть концевых привесок и подвесок сильно повреждена огнем. Следы пребывания в погребальном костре имеют стеклянные бусы, привески и деформированные височные кольца из погребения 980. Такая же тенденция прослеживается и в мужских погребениях. Например, в богатом воинском погребении 281 несколько ножей, железная пряжка и украшения были приданы огню и положены с прахом умершего. В мужском погребении 760 поясные накладки, кресало и проушной топор имели следы пребывания в огне. В погребении 1003, где захоронен ребенок, привески из астрагала бобра обожжены.

Интересен принцип размещения вещей в некоторых погребениях. Так, в погребениях 9, 92, 206, 210, 510, 675 погребальный инвентарь расположен в порядке, характерном для погребений с трупоположением: наконечник копья или височные кольца — у головы, привески и шейная гривна — в районе груди, перстни и браслеты — у рук. Аналогичное расположение инвентаря в погребениях с кремацией встречает-

ся в погребении 50 Старо-Кадомского могильника [28, с. 24]. Как резонно заключает В. В. Ставицкий, подобная тенденция свидетельствует о появлении инородного обряда кремации в среде, для которой характерен обряд ингумации [16, с. 145].

Рассматривая инвентарь погребений с кремацией, мы обнаружили ряд немало-важных особенностей. Погребальный инвентарь таких погребений аналогичен предметам и украшениям из ингумационных погребений в могильнике того же периода. В. Н. Шитов относил ранний комплекс погребений к середине — второй половине V — VII вв., а поздний комплекс — к VIII — началу XI в. Принимая в расчет тот факт, что на территории центрального Поочья круг рязано-окской археологической общности фактически перестает существовать уже ко второй половине VII в., в то время как Шокшинский могильник существует вплоть до начала XI в., можно констатировать, что методики датировки и соотнесения отдельных украшений и элементов вооружения представителей рязано-окской культуры с шокшинскими — возможны лишь частично. Вероятнее всего, перед нами некий более поздний локальный вариант рязано-окской культуры, ее восточный осколок, вобравший в себя культурные элементы как «классической» традиции, так и инокультурные и более поздние черты материальной культуры. Хотя главной задачей нашей работы не является вещеведческое рассмотрение материала погребений, на некоторые аспекты погребального инвентаря мы все же обратим внимание.

Для женских погребений с кремацией характерны височные кольца муромского типа, от одного до пяти. Чаще всего они изготовлены из бронзы, но встречаются как браслетовидные оловянные, так и изготовленные из белого сплава. Такой тип украшений не свойствен рязано-окскому населению, лишь кольца с сомкнутыми концами и без щитка встречаются в могильниках рязано-окского круга в VII — начале VIII в. Однако данный тип височных колец получил широкое распространение в древностях муромы в IX — начале XI в. [17]. Также почти в каждом женском погребении имеются бронзовые подвески и концевые привески, часто нанизанные на нить. Из бус встречаются мозаичные, из долек многослойных палочек, из отдельных отрезков многослойных палочек, голубые полупрозрачные, золоченые. Присутствуют бронзовые сюлгамы и плоские браслеты с расплюснутыми концами. Обнаружены также бронзовые пластинчатые округлые бляхи (погребения 293, 534, 567, 963). Редкими для женских погребений с трупосожжением являются находки краснопастовых бус (61, 799), а также раковин каури (963) и витых спиральных браслетов (290). Лишь в двух погребениях встречаются налобные венчики (290, 534).

Для мужских погребений, где тело умершего было придано огню, характерны бронзовые застежки-сюлгамы и круглодротовые браслеты. Знаковыми являются находки поясных гарнитуров с пряжками накладками, колечками и язычками ремня (296, 605, 760, 956, 1107).

В погребении 941 были обнаружены серебряная пряжка с подвижным язычком, украшенным голубой эмалью, и поясные накладки из серебра с красной эмалью. По богатому поясному геральдическому гарнитуру, сюлгаме с зональными насечками по кольцу и короткими усами, а также пластинчатой серповидной гривне с ребром в центральной части пластины погребение датируется VII в. [5, с. 20].

Крайне интересны три бронзовые ременные накладки из парного погребения 956. Они располагались в группе инвентаря мужского захоронения и представляли

собой рельефную тонкую рамку с перемычкой по центру. На верхней части накладки — два навершия в виде полуovalов, в центральной части украшенных орнаментом, напоминающим перевернутую Y. Для Шокшинского могильника данный вид гарнитуров не характерен. Лишь в еще одном погребении 528, совершенном по обряду ингумации, найдена подобная накладка. В работах Р. Д. Голдиной такие накладки получили название «коньковидные», они характерны для древностей неволинской и ломоватовской культур, а именно для их завершающих стадий соответственно урынской и сухоложской, относимых к концу VIII — середине IX в. [8, с. 42, 220 (рис. 5); 9, с. 82, 129 (рис. 31), 142 (рис. 2), 166 (рис. 25)]. Наиболее полный ременной гарнитур указанного образца из раскопок последних лет, представленный пряжкой с растительным орнаментом, квадратными прорезными и подобными шокшинским ременными накладками, а также наконечником ремня, обнаружен в погребении 5 Жигулёвского могильника, датированного VII — IX вв. [18, с. 96]. Интерес вызывает и тот факт, что мужчина-воин из Жигулёвского могильника также погребен по обряду трупосожжения.

Однако главная отличительная деталь мужских захоронений — элементы вооружения и детали конской сбруи. Так, почти в каждом мужском погребении присутствует втульчатый топор-кельт, нередко находки наконечников копий, в том числе дротиков, наконечников стрел и деталей снаряжения лучника колчаный крючок и др.), а также фрагменты тонкой металлической обкладки колчана. Подобный набор инвентаря встречается почти во всех рязано-окских могильниках. Аналогичные предметы были найдены в погребениях 108, 111, 235 Никитинского могильника и датированы концом VI — началом VII в. [3]. Из уже упоминавшегося погребения 941 происходит однолезвийный меч с фрагментами деревянных ножен. Другой меч был обнаружен в погребении 281 под кальцинированными костями в специально вырытой ямке-тайнике. Данный меч франкского типа был сложен вчетверо и представлял собой два фрагмента, а его лезвие было украшено инкрустацией с символами «+ULFBERHT+» [22, с. 45 — 46; 24]. По расположению здесь саманидских дирхемов и характерного меча погребение четко датируется серединой X в. и относится к группе поздних кремаций. В погребениях 941 и 1064 находились железные удила и стремена. Распространенной находкой в подобных захоронениях являются фитильные трубочки из бронзы и железные кресала. Подводя итог краткому рассмотрению погребального инвентаря могильных ям, где фиксируется трупосожжение, можно заключить, что с точки зрения вещей они абсолютно идентичны погребениям с ингумационным погребальным обрядом того же периода. Вероятно, с точки зрения социальной стратификации, захороненные по обряду кремации никак не выделялись из общего числа.

Особенностью является наличие глиняной посуды в некоторых погребениях с трупосожжением. Сразу стоит указать, что сосуды в мужских погребениях присутствуют и в ингумационных погребениях. Так, в мужских погребениях 326, 600, 605, 621, 760, 792 были обнаружены небольшие сосуды. Они изготовлены из глиняного теста с примесью шамота, неровно заглажены и имеют следы неравномерного обжига. Чаще всего они расположены в юго-западной части могилы, у ног и, вероятно, представляют собой часть ритуала поминальной тризны. Аналогичные сосуды обнаружены в детских захоронениях 341, 854, 1003, а также в парном погребении

715, где сосуд расположен у кремированных костей ребенка. Лишь в двух женских погребениях — 432 и 914 — были обнаружены сосуды. Расположение глиняных сосудов в мужских захоронениях — специфика рязано-окской культуры, аналогии можно найти в Старо-Кадомском, Шатрищенском могильниках и Заречье-IV. Однако в Шокшинском могильнике эта традиция, очевидно, постепенно сменилась более поздней традицией размещения сосудов в погребениях обоих полов. Культурный феномен помещения керамических сосудов как в мужские, так и в женские захоронения к тому периоду характерен для мордвы [4, с. 84, 86].

Из приведенных данных следует, что обряд кремации не зависит от половозрастных факторов, хотя большая часть кремаций на площади могильника — именно мужские (39 %). Однако это не всегда воинские захоронения, имеются и мужские захоронения с типичным инвентарем (втульчатый топор, нож, несколько украшений), а также погребения без вещевого материала. Следовательно, данный погребальный обряд может быть объяснен иными причинами. Ведь детали погребального обряда отражают весьма сложную систему представлений об упокоении тела, состоящую из множества факторов. Чаще всего это религиозные воззрения, этническая принадлежность, личность и социальный статус покойного, обстоятельства смерти и, несомненно, его значимость при жизни [19].

В целом, одним из самых сложных и спорных для трактовки моментов является именно локальная кремация умерших на площади Шокшинского могильника. Разумеется, незначительное количество погребений с трупосожжением не позволяет утверждать об устойчивых чертах данного погребального обряда, с другой стороны, выделяется явный факт наличия своеобразной пестроты населения, оставившего могильник. Даже в числе 100 одиночных погребений с кремациями можно выделить черты как раннего, рязано-окского, так и более позднего культурного влияния — муромы и мордвы. С точки зрения ориентировки могил можно заметить, что как минимум 51 могила с кремациями имеет северо-восточную ориентировку (51 % от всех погребений с трупосожжением). Данная ориентировка является наиболее традиционной для носителей рязано-окской археологической культуры. 31 могила ориентирована в направлении юго-восток (31 %). Похожие аналогии по ориентировке видны в Старо-Кадомском могильнике — одном из ближайших рязано-окских памятников [28, с. 23 — 24].

Появление традиции сжигать умерших у самого рязано-окского населения относится к середине — второй половине IV в. Она связана с миграцией населения верхнего Поочья и военно-политическими процессами, происходившими в Восточной Европе [3]. Однако даже в памятниках «классической» рязано-окской культуры трупосожжения обычно не превышают 10 — 15 % от общего числа захоронений. По мнению В. В. Седова, обряд кремации в кругу рязано-окской общности следует искать в культурном влиянии балтов [16, с. 56].

Заключение

Таким образом, не вызывает противоречий ряд фактов о кремациях на рязано-окских могильниках. С конца VII — начала VIII в. заметен приток хотя и родственного, но инородного и инокультурного субстрата. Однако, на наш взгляд, это не дает оснований увязывать «пришлого» население с кремационным обрядом. Как уже заключалось выше, в могильниках рязано-окского круга у мордвы и муромы

данный погребальный обряд существовал на протяжении длительного времени, хотя практически никогда не занимал в погребальных памятниках главенствующее положение. В статье «Погребальный обряд Шокшинского могильника» В. Н. Шитов также приходит к данной мысли, говоря, что кремации не связаны с пришлым населением, поскольку и ингумационный и кремационный обряды существуют синхронно [30, с. 472]. К сожалению, в указанной статье рассматриваются результаты и материалы раскопок 1983 — 1986 гг., составляющие всего 357 погребений (31 % от общего числа исследованных на сегодняшний день).

Отметим, что с конца VII в., ко времени окончания в Поочье бытования могильников рязано-окской культуры, на площади Шокшинского могильника фиксируется отчетливое влияние муромской материальной культуры. Произошло это в результате, вероятно, шедшего с запада на восток процесса культурной ассимиляции, проникновения новых видов украшений, укладываемого в рамки политической истории Поволжья во второй половине VIII — IX вв. Не исключено, впрочем, что наряду с культурной традицией украшений на территорию Нижнего Примокшанья проникало и само муромское население, чем и объяснялось бы столь обширное влияние культурных традиций на население, оставившее Шокшинский могильник. Не противоречит данному тезису и постепенная смена ориентировки погребенных.

Кроме того, некоторые типы украшений, такие, как лунничные височные кольца, являются довольно характерным этноопределяющим маркером для муромы, и их массовое появление в комплексе украшений последней стадии бытования Шокшинского могильника можно объяснить процессом миграции. О том, что лунничные височные кольца распространялись за пределами Поочья главным образом с носителями культуры муромы, говорит и О. В. Зеленцова [12, с. 58].

Если и имеются основания предполагать, что миграция населения муромы, а также разрозненных «осколков» племен, некогда входивших в состав рязано-окского круга, играла столь же важную роль для населения Шокшинского могильника, как и культурное влияние, то следует говорить не просто о некоей миграции населения с западных территорий, а скорее, о нескольких волнах миграции и с ними о новом культурном импульсе, выраженном в женских украшениях, мужских поясных наборах и воинских атрибутах, традициях костюма. Этот факт подтверждает и то, что погребения с трупосожжением на Шокшинском могильнике не относятся к одному времени, а бытуют почти на всем протяжении функционирования могильника.

Необходимо заметить, что в IX — середине X в. кремация особенно распространяется у муромы³. Не противоречит появлению муромского культурного влияния и политическая история. К XI в. муромские племена ассимилируются славянами, но не исключен и тот факт, что была возможна миграция, в том числе на территорию Нижнего Примокшанья. Более поздние кремации, вероятно, стоит объяснять именно в таком ключе.

Однако, как уже говорилось выше, миграционные процессы, четко фиксируемые в погребениях Шокшинского могильника никак не связаны с погребальным обрядом кремации. Упомянем и факт, доказывающий родственность пришлого населения и

³ Гришаков В. В., Зеленев Ю. А. Муром VII — XI вв.: учеб. пособие. Йошкар-Ола, 1990. С. 77.

населения, оставившего Шокшинский могильник, так как их погребальные обряды идентичны и бытовали, по всей видимости, синхронно.

Так чем же объясняется бытование столь знакового погребального обряда кремации в Шокшинском могильнике? Исходя из того, что данный погребальный обряд применялся в одинаковой степени к мужским, женским, детским погребениям, умершим, захороненным с многочисленным и богатейшим инвентарем и в то же время прослеживается в погребениях, где вообще нет инвентаря, только кальцинированные пережженные кости, причем погребения не имеют планиграфических особенностей (не выстроены в ряд и не локализованы в одной точке могильника), следует искать корни данного обряда в особенностях культуры поволжских финнов I — начала II тыс. н. э., а также в их сложных религиозных и мифологических представлениях о погребальной традиции, а если говорить шире — о космологии, уходе из жизни, а позже — о жизни загробной. В. Н. Шитов, опираясь на семантику украшений из Шокшинского могильника, отмечал, что в языческих верованиях населения Шокшинского могильника бытовали культы животных, солнца и, по всей видимости, огня⁴. Древнейшие представления об огне переключались в мифологию, фольклор и языческие религиозные обряды поволжско-финнских народов. Например, «родовой» огонь в более позднее время, бытующий в религиозных представлениях мордвы, имеет непосредственную связь с культом огня в древности [14, с. 63 — 65].

Несомненно, население, оставившее Шокшинский могильник, было связано с наиболее восточным ареалом могильников рязано-окского круга — Кошибеевским (II — V вв.) и Старо-Кадомским (V — VII вв.). При этом Шокшинский могильник, во-первых, самый восточный из ныне известных рязано-окских могильников, а во-вторых — один из самых поздних.

Таким образом, материалы Шокшинского могильника, несмотря на многолетнее исследование, требуют более детального анализа. Частичная публикация материалов, подробное изучение погребального обряда и особенностей хронологии погребального инвентаря позволят составить картину истории населения Поочья и Примокшанья в эпоху средневековья. Выражаем надежду, что данная публикация послужит началом детального рассмотрения погребальных обрядов Шокшинского могильника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / отв. ред.: И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7 — 34 (Раннеславянский мир; вып. 13).
2. Белоцерковская И. В. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986 — 1991 гг.) // Погребальный обряд: археол. сб. М., 1997. С. 20 — 28 (Тр. ГИМ; вып. 93).
3. Букина О. В. Датировка погребений с трупосожжениями в рязано-окских могильниках // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. Вопросы хронологии: тез. докл. II Междунар. археол. конф. Самара, 1997. С. 12 — 15.
4. Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры / ИСИ МГУ им. Н. П. Огарёва. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. 132 с.

⁴ Шитов В. Н. Рязано-окские племена // Мордовия: энцикл.: в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 273.

5. Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I — XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск, 2008. 352 с.
6. Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энгватова А. В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977 — 1978 гг. М.: ИА РАН, 2005. 176 с. (Тр. отдела Охранных раскопок Института археологии РАН; т. 3).
7. Гаврилов А. П., Конов В. Д. Новый могильник рязано-окских финнов. Археология Волго-Окского региона: сб. тез. к юбилею И. В. Белоцерковской / ред.-сост. Н. А. Биркина. М., 2020. С. 56 — 63.
8. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
9. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.
10. Головин Р. Е. История изучения Шокшинского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 1. С. 192 — 200. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-1-2023-st14.pdf>
11. Ефименко П. П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. С. 7 — 36 (Тр. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР; вып. 48).
12. Зеленцова О. В. Лунничные височные кольца в уборе поволжских финнов // Финно-угорские древности второй половины I — начала II тыс. н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследования». М.: ИА РАН, 2021. С. 57 — 67.
13. Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966 — 1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 116 — 120.
14. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 248 с.
15. Петербургский И. М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск, 1987. С. 50 — 78 (Тр. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР; вып. 80).
16. Седов В. В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // Российская археология. 1994. № 2. С. 56 — 70.
17. Ставицкий В. В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III — VII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 143 — 150.
18. Сташенков Д. А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 2020. 120 с.
19. Сыроватко А. С. Могильники с кремациями на средней Оке второй половины I тыс. н. э. // Российская археология. 2014. № 3. С. 63 — 76.
20. Циркин А. В. Шокшинский могильник // Советская археология. 1972. № 1. С. 155 — 170.
21. Шитов В. Н. Исследования на р. Шокша // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 199.
22. Шитов В. Н. Мечи X — XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья: межвуз. сб. Йошкар-Ола, 1994. С. 44 — 49.
23. Шитов В. Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н. э. Саранск, 1988. С. 4 — 43 (Тр. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР; вып. 93).
24. Шитов В. Н. Меч с клеймом Ulfberht из Шокшинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 116 — 118 (Тр. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР; вып. 107).
25. Шитов В. Н. Работы Шокшинской экспедиции // Археологические открытия 1984 г. М., 1986. С. 161.
26. Шитов В. Н. Работы Шокшинской экспедиции // Археологические открытия 1985 г. М., 1987. С. 215.
27. Шитов В. Н. Раскопки Шокшинского могильника // Археологические открытия 1993 г. М., 1994. С. 105 — 106.

28. Шитов В. Н. Старокадомский могильник // *Материалы по археологии Мордовии*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 23 — 70 (Тр. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР; вып. 85).

29. Шитов В. Н., Зеленцова О. В., Охотина Т. Н. Исследования в Теньгушевском районе Республики Мордовия // *Археологические открытия 1995 г. М., 1996*. С. 301 — 302.

30. Шокшинский могильник. Материалы раскопок 1983 — 1993, 1995 гг.: в 2 т. / сост.: О. В. Зеленцова [и др.]; науч. ред.: Н. А. Макаров [и др.]; ИА РАН, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: НИИГН, 2023. Т. 1. 480 с. (Археология мордовского края) URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/shokshinskij-mogilnik-materialy-i-raskopok-1983-1993-1995-gg-v-2-t.-tom-1>

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 08.09.2023.

Информация об авторе:

Роман Евгеньевич Голвин, научный сотрудник сектора археологии исторического отдела Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина (430005, Россия, г. Саранск, ул. Саранская, 2); аспирант отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6795-8710>, roman_golovin_96@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Akhmedov IR. The Problem of the “Final” Period of Culture of the Ryazan-Oka Finns (to the Current State of the Question). *Archeology of Eastern Europe in the Ist Millennium AD. Problems and Materials*. Moscow;2010;13:7—34. (In Russ.)
2. Belotserkovskaya IV. Burials with Gifts from the Korablino Grave Field (Based on the Materials of Excavations in 1986 — 1991). *Funeral Rite. An Archaeological Collection*. Moscow;1997;93:20—28. (In Russ.)
3. Bukina OV. Dating of Burials with Corpse Burials in Ryazan-Oka Grave Fields. *Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the Ist Millennium AD. Questions of Chronology*. Abstract of Theses of the 2nd International Archaeological Conf. Samara;1997:12—15. (In Russ.)
4. Vikhlyayev VI. The Origin of the Ancient Mordovian Culture. Saransk;2000. (In Russ.)
5. Vikhlyayev VI, Begovatkin AA, Zelentcova OV, Shitov VN. Chronology of Grave Fields of the Population of the Ist — XIV Centuries of the Western Part of the Middle Volga Region: Scientific Edition. Saransk;2008. (In Russ.)
6. Voronina RF, Zelentsova OV, Engovatova AV. Nikitinsky Grave Field: Publication of Excavation Materials 1977 — 1978. Moscow;2005;3. (In Russ.)
7. Gavrilov AP, Konov VD. The New Grave Field of the Ryazan-Oka Finns. *Archeology of the Volga-Oka Region*. Collection of Theses for the Anniversary of I. V. Belotserkovskaya. Moscow; 2020:56—63 (In Russ.)
8. Goldina RD. Lomovatovskaya Culture in the Upper Kama Region. Irkutsk;1985. (In Russ.)
9. Goldina RD, Vodolago NV. Grave Fields of the Nevolin Culture in the Urals. Irkutsk;1990. (In Russ.)
10. Golovin RE. History of the Shokshinsky Grave Field Study. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(1):192—200. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-1-2023-st14.pdf> (In Russ.)
11. Efimenko PP. Ivankovsky and Haverdovsky Grave Fields of Ancient Mordovia. *Proceedings on Archeology and Ethnography of Mordovia*. Saransk;1975:7—36. (In Russ.)

12. Zelentsova OV. Lunar Temporal Rings in the Headdress of Volga Finns. *Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the 1st — Beginning of the II Millennium AD. Proceedings of the Scientific Seminar "Podbolot'yevsky Grave Field: 100 Years of Research"*. Moscow; 2021:57—67. (In Russ.)
13. Kravchenko TA. Shatrishchensky Grave Field (on Excavations of 1966 — 1969). *Archeology of the Ryazan Land*. Moscow; 1974:116—120. (In Russ.)
14. Mokshin NF. Religious Beliefs of the Mordvins. Saransk; 1998. (In Russ.)
15. Peterburgskiy IM. The Second Starobadikov Grave Field. *Questions of the Ancient History of the Mordovian People*. Saransk; 1987;80:50—78. (In Russ.)
16. Sedov VV. From the Ethnic History of the Population of the Middle Zone of Eastern Europe in the Second Half of the 1st Millennium AD. *Russian Archeology*. 1994;2:56—70. (In Russ.)
17. Stavitskiy VV. Funeral Rite of the Tesh Group of Mordovian Grave Fields of the III — VII Centuries. *Volga Archeology*. 2013;(2):143—149. (In Russ.)
18. Stashenkov DA. Ancient Hungarians and Their Environment in the Samara Volga Region. *Catalogue of Archaeological Collections*. Samara; 2020. (In Russ.)
19. Syrovatko AS. Grave Fields with Cremations on the Middle Oka of the Second Half of the 1st Millennium AD. *Russian Archeology*. 2014;(4):63—76. (In Russ.)
20. Tsirkin AV. Shokshinsky Grave Field. *Soviet Archeology*. 1972;(1):155—170. (In Russ.)
21. Shitov VN. Study on the Shoksha River. *Archaeological Discoveries 1986*. Moscow; 1987. (In Russ.)
22. Shitov VN. Swords of the X — XI Centuries of the Mordovia Region. *Historical and Archaeological Study of the Volga Region*. Yoshkar-Ola; 1994:44—49. (In Russ.)
23. Shitov VN. Koshibeevsky Grave Field (Based on the Materials of V. N. Glazov's Excavations in 1902). *Questions of the Ethnic History of the Mordvins the 1st — Beginning of the II Millennium AD*. Saransk; 1988;93:4—43. (In Russ.)
24. Shitov VN. A Sword with the Ulfberht Stamp from the Shokshinsky Grave Field. *Archaeological Research in the Oksko-Sursky Interfluvium*. Saransk; 1992;107:116—118. (In Russ.)
25. Shitov VN. Research of the Shokshinsky Expedition. *Archaeological Discoveries of 1984*. Moscow; 1986. (In Russ.)
26. Shitov VN. Research of the Shokshinsky Expedition. *Archaeological Discoveries of 1985*. Moscow; 1987. (In Russ.)
27. Shitov VN. Excavations of the Shokshinsky Grave Field. *Archaeological Discoveries of 1993*. Moscow; 1994:105—106. (In Russ.)
28. Shitov VN. Starokadomsky Grave Field. *Materials on the archeology of Mordovia*. Saransk; 1988;85:23—70. (In Russ.)
29. Shitov VN, Zelentsova OV, Okhotina TN. Research in the Tengushevsky District of the Republic of Mordovia. *Archaeological Discoveries of 1995*. Moscow; 1996:301—302. (In Russ.)
30. Shokshinsky Grave Field: Materials of Excavations 1983 — 1993, 1995. Saransk; 2023;1. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/shokshinskij-mogilnik-materialy-i-raskopok-1983-%E2%80%941993,-1995-gg.-v-2-t.-tom-1> (In Russ.)

The article was submitted 26.05.2023, approved after reviewing 01.09.2023, accepted for publication 08.09.2023.

Information about the author:

Roman E. Golovin, Researcher of the Archeology Sector of Department of History of the Mordovian Republican United Museum of Local History (2 Saranskaya Str., Saransk 430005, Russia); Post-Graduate Student of Department of Archeology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6795-8710>, roman_golovin_96@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.